



Большой театр. — 2001. — июнь (№ 4). —

ОЛЬГА ГУРЯКОВА: С. 2

УЧИТЬ ДРУГУЮ РЕДАКЦИЮ УЖЕ ЗНАКОМОЙ ПАРТИИ ГОРАЗДО ТРУДНЕЕ, ЧЕМ ПРОСТО ВЫУЧИТЬ ДВЕ НОВЫХ ОПЕРЫ

— Премьера «Игрока» стала вашим дебютом на сцене Большого театра?

— Если быть точной, то нет. Дебют состоялся два или три года назад. Я стала лауреатом телевизионного конкурса Ирины Архиповой, и мне предложили выступить на сцене Большого театра. Тогда я один раз спела «Богему».

Но, конечно, работать над постановкой с самого начала — это гораздо больше, чем вводиться в уже идущий спектакль. Все было новым: я никогда до этого не работала с Геннадием Николаевичем Рождественским. Новая постановочная команда, за исключением хорошо знакомого по нашему театру Александра Борисовича Тителя. Очень хорошо, что были знакомые по Театру Станиславского партнеры по сцене: Михаил Урусов, Леонид Зимненко, Елена Манистина. Это окружение, конечно, очень помогало мне в работе.

— Вы приехали на репетиции из Нью-Йорка, где на сцене Метрополитен Опера тоже пели Полину, но во второй редакции оперы.

— Очень сложно было переключиться на совершенно новую редакцию. Не скажу ничего нового, но учить другую редакцию уже знакомой партии гораздо труднее и неприятнее, чем просто выучить две новых оперы. Но как бы это сложно ни было, нужно было это сделать. Мне кажется, что первая редакция оперы, которую мы исполняли в Большом, более сложна вокально. Где-то она просто издевательски неудобно написана. Там очень много низких кусков, которые было

бы неудобно петь и меццо-сопрано, такие обрывочные, резкие фразы. И в то же время финальная сцена по тесситуре выше, чем во второй редакции. В этот напряженный момент очень легко сбиться с пения на какой-то визг. Не хотелось бы, чтобы это происходило. Не знаю, удалось ли этого полностью избежать.

— У вас уже был опыт участия в двух разных постановках «Войны и мира», когда за один сезон вы пели Наташу Ростову в двух разных театрах, в Опера Бастий и с Мариинским театром на гастролях в Лондоне.

— Может быть, мне даже полагает участие в двух разных постановках. В «Войне и мире», конечно, была одна и та же музыкальная редакция, но две разные постановки. С одной стороны, это тоже сложно. Тебе приходится всякий раз себя ломать, чтобы не сбиться на привычный рисунок, сделать все по-другому. С другой стороны, на каком-то этапе происходит обогащение. Один спектакль открывает что-то новое, что ты приносишь уже в другой. Роли проникают одна в другую, ты находишь в них какие-то новые краски и уже не разделяешь одну от другой.

Хотя две Полины у меня получились очень разные, та, что была «Метрополитен Опера», и та, что здесь. Если бы я пела в Мет в той редакции теперь, наверное, у моей Полины тоже появились бы какие-то новые черты.

Беседовал ДМИТРИЙ АБАУЛИН